

Раскрывая книгу, посвященную Публию Корнелию Тациту, стоит задуматься над тем, зачем знакомиться с писателем, жившим две тысячи лет назад, тем более если созданное им — не художественный вымысел, всегда вырывающийся из плена породивших его дней, а летопись своего века, обреченная на этот плен, поскольку она связана с людьми и событиями определенной эпохи, в данном случае эпохи завершенной и далекой — ранней Римской империи?

Прошлое есть у всех. Оно связано бесконечным числом **цитат** с настоящим, живет в нем; без его опыта **невозможно** развитие ни личности, ни народа, поэтому каждый — историк он или нет — периодически вглядывается в пережитое, пытается охватить его мыслью и понять. Две опасности подстерегают того, кто за это берется: духовно обособиться от своего прошлого или поддаться его власти и раствориться в нем. В первом случае оно становится скоплением отрететавших фактов, а если речь идет об историке — «объектом исследования», как жизнь насекомых, движение светил, как морские приливы и отливы. Во втором случае оно заслоняет действительность, погружает человека в мир воспоминаний, исполненный призрачных, но тем более ярких и бередящих страстей — бесплодных сожалений, бесплодной ярости или элегической тоски.

Выход состоит в ясном понимании нераздельности и неслиянности человека и общества с тем, что ими пережито, и одно из самых высоких искусств на свете — искусство «расставаться со своим прошлым», как однажды выразился Карл Маркс. Занятие это требует ясности мысли, честности и мужества, и наставников в нем следует ценить. Среди таких наставников Тацит был одним из самых первых. Он пережил трудное время коренной общественной ломки, массового императорского террора, разрушения исторических ценностей римского народа. Он описал эту эпоху глубоко лично, ярко и страстно,

по никогда ее кровавое марево не застилало ему глаза, ни разу не поддался он ни утешающим сожалениям о «добрых старых днях», ни соблазну раствориться в веселом беге времени. Он смотрел, думал и не боялся думать до конца. Он заслужил, чтобы через две тысячи лет мы раскрыли книгу о нем, испытывая к нему чувство почти-тельной благодарности.

Есть для нее и еще одна причина. В истории культуры мало было фигур, вызывавших столь разноречивые оценки, как Тацит. В эпоху абсолютизма в нем видели идеолога монархии, учившего правителей руководствоваться только государственной необходимостью и не считаться ни с моралью, ни с интересами отдельных людей. Революционеры XVIII в. и в особенности русские декабристы, напротив, черпали в книгах Тацита ненависть к тиранам и пороку, духовную твердость в борьбе за свободу, честность и правду. И те, и другие опирались на сочинения Тацита. В них, действительно, содержалось и обоснование исторической необходимости императорской власти, и гневное осуждение императоров, их аморализма и извращенной жестокости. Но выражало это противоречие не непоследовательность мысли историка, как иногда думали и думают исследователи, а живую диалектику общественного развития. Он понял и показал, что императоры преодолели разгул страстей и дикую губительную вольницу последних лет Республики и, не стесняясь в средствах, установили в Риме порядок, что режим их был спасителен и исторически целесообразен. Но понял и выразил он в своих книгах также и нечто другое: вместе со своеволием и страстями, с разбродом и распрями ушли из государства и страстная потребность каждого гражданина участвовать в делах родины, и стремление решать их на свой лад, и преданность ее по-разному понимаемым интересам. Плюсы и минусы изжитого общественного состояния оказались неразрывно взаимосвязаны. Но для Тацита эти плюсы и минусы не исчерпывались понятием «взаимосвязи». За каждым стояли люди — живые люди, их воля и мысль, их жизнь и смерть, стремление и отчаяние, упования и кровь. Диалектику истории так трагически пережил и так ярко выразил Тацит также одним из первых. В этом — еще одна причина, почему книгу о нем стоит взять в руки с уважением к его духовному подвигу.

А уж читателю судить, стоит ли ее дочитывать.